

УДК 298.9

ПРОЕКЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шиженский Р.В., Тютинина О.С.

ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина», Нижний Новгород, e-mail: heit@inbox.ru

Исследование построено на основе данных, полученных в ходе анкетного опроса рядовых членов современных языческих общин. В данной статье представлены результаты части «фактологического» вопросного блока. Целью которого являлось, во-первых, определение общинного статуса присутствующих на купальском празднике, во-вторых, самоидентификация религиозных взглядов представителей язычества XXI века. Также в работе представлены данные блока «институционального». Основные задачи исследования вопросного блока № 2 заключались в выявлении функционала как языческой общины в целом, и отдельных лидеров общины в частности. На основании полученных данных, авторы производят анализ религиозной и организационной самоидентификации неязычников, перспектив и форм взаимодействия «родноверов» с государственными институтами, рассматривают функциональный образ языческих лидеров.

Ключевые слова: неязычество, полевые исследования, нетрадиционная религиозность, родноверие, самоидентификация, институционализация, праздник Ивана Купалы

PROJECTIONS OF INSTITUTIONAL IDENTITY IN THE MODERN SLAVIC PAGANISM ACCORDING TO FIELD STUDIES

Shizhensky R.V., Tyutina O.S.

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, e-mail: heit@inbox.ru

The study is based on data derived during the of questioning the ordinary members of modern pagan communities. This article shows the results of the «factual» questionnaire block. The purpose of block was, first, to determine the status of the community attending the Ivan Kupala celebration, and secondly, to determine the religious views of representatives of paganism the XXI century. The article also presents the data from the «institutional» block. The main objectives of the research questionnaire block № 2 is to identify functional as the pagan community as a whole, and individual community leaders in particular. A significant task of «of institutional» block is the question of the prospects and forms of interaction of modern pagans with the state institutions. Based on these data, the authors analyze the religious and organizational identity non-pagans, perspectives and forms of interaction «Rodnovers» with state institutions, consider the functional way of modern pagan leaders.

Keywords: paganism, field research, non-traditional religions Rodnoverie, identity, institutionalization, Ivan Kupala day

В настоящее время, в период бурного развития новой религиозности определённая часть исследовательского сообщества обратилась к изучению современных проявлений языческих верований славянских народов. Предметом научной рефлексии становится изучение отдельных сторон функционирования языческих лидеров, социально-политический «портрет» ряда российских «родноверческих» групп. При этом, как правило, вне рассматриваемого поля исследований исследование мировоззренческих особенностей рядовых прозелитов языческой общинной группы.

В предлагаемой статье, на основании данных анкетного опроса членов общин, язычников-индивидуалов, авторы анализируют религиозную и организационную самоидентификацию, перспективы и формы взаимодействия «родноверов» с государственными институтами, функциональный образ «младоязыческих» лидеров.

Третий год подряд представители научно-исследовательской лаборатории «Но-

вые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина проводят анкетный опрос среди представителей русских языческих общин и союзов, собирающихся на праздник Купалы в районе села Игнатьевское Малоярославецкого района Калужской области. По данным организаторов праздника «Содружества общин Велесов Круг», в мероприятии 2015 года (19–21 июня) приняло участие около 1400 человек.

Опросный лист 2015 года состоял из пяти вопросных блоков, содержащих как открытые, так и закрытые вопросы. В данной статье рассматриваются особенности данных блока № 1, нацеленного на раскрытие «социального портрета» рядовых языческих прозелитов и сочувствующих движению и вопросы блока № 2, обращенного к вопросу языческой институционализации. В анкетировании 2015 года приняло участие 429 респондентов. Полностью отказались

от заполнения опросного листа 38 человек: 24 мужчины и 14 женщин.

Первый блок анкеты 2015 года состоял из восьми вопросов, цель которых заключалась в раскрытии личных данных респондентов. Настоящий блок условно обозначен нами как «фактологический». Наибольший интерес из вопросов первого блока, представляет анализ открытого вопроса № 7. Респондентам предлагалось охарактеризовать свои религиозные взгляды. Данный вопрос поставил в затруднение 11,2% язычников (соответственно, 48 респондентов не дали на него ответа). Наиболее популярным среди представителей данной диаспоры стал вариант самоназвания «родноверие»: за него отдали голоса 111 респондентов, что составило 25,9%. На втором месте по популярности наименование «язычник» – так ответило 110 респондентов (25,6%)¹ [5, 6]. Тридцать два из 429 респондентов отождествляют свое мировоззрение с атеистическим (7,5% опрошенных). Сто двадцать восемь опрошенных (29,8%) предложили иные варианты ответов, среди которых особо интересны, на наш взгляд, нижеследующие: православный (16 человек 3,7%)², агностик (11 человек 2,56%), христианин (8 человек 1,86%), традиционалист (5 человек 1,16%), ведизм, шаманизм, космизм (по 3 ответа), природная вера, реалист, пантеист, буддист, анимист, космополит, славянин, верю в бога (по 2 ответа). В число единичных ответов попали: анархист (анкета № 427), русский человек-книжник (анкета № 208), пастафаризм (анкета № 205)³, материализм (анкета № 17), одинист (анкета № 266), вуддист (анкета № 284), последователь Нью Эйдж (анкета № 97), правый (анкета № 8), агностик (анкета № 78), хаосмагист (анкета № 262), ведун (анкета № 282). При рассмотрении вопроса терминологии современного мировоззренческого феномена XX–XXI веков стоит

Двадцать человек считают себя язычниками-родноверами (анкеты № 399, 398). Стоит отметить, что по сравнению с аналогичным вопросом анкеты 2014 года, сократилась с 30 до 15,9% доля тех, кто ассоциирует себя именно с «родноверием», число самопровозглашенных язычников также уменьшилось с 34 до 15,6%. Но при этом на 1,5% (с 6% 2014 года до 7,5% 2015 года) возросло количество респондентов, которые в качестве характеристики своих мировоззренческих ориентаций выбирают «атеизм». Также возросло число неоязычников, которые предлагают иные варианты ответов (на 18,8% опрошенных 2014 года приходится почти 29,8% «Купалы 2015»).

² Сложность определения процента православных христиан, участвующих в данном фестивале, заключается в пространственной среди последователей альтернативной религиозности подмене понятий, игре с терминами. Учитывая данную особенность, дефиниция «православный» может выступать в значении – «Правь славящий» и т.д.

³ Пастафарианство – церковь летающего макаронного монстра.

обратить внимание на то, что термин «родноверие», используемый в качестве самоназвания и выступающий зачастую в роли контрадикторного по отношению иным дефинициям (в частности к «неоязычеству»), претерпел определенную семантическую трансформацию, обретая черты экзотонима новой религиозности. Сокращение доли респондентов, использующих данную дефиницию в качестве самоназвания, может свидетельствовать в пользу ее вытеснения из узко языческих кругов на научный уровень⁴ [1, 2, 4, 8, 9]. Возможное объяснение значительного процента респондентов, выбравших в качестве ответа вариант «атеизм», может заключаться в нарушении причинно-следственных связей («*qui sequitur*»). То есть иррелевантная позиция может быть провозглашена «атеистически». Одна из форм пантеизма – растворение божественного в натуралистическом, достаточно бытовым в своем отношении персонализированного божества высшего порядка к реалистическому атеизму. Кроме того, данное предположение во многом может объяснить резкое увеличение (на 11%) числа респондентов, которые предлагают иные варианты ответов при характеристике своего мировоззрения. Этим же можно объяснить, почему данный вопрос стал наиболее труднительным) вопросом первого блока анкеты: 48 респондентов не дали ответа на него (11,2% всех опрошенных против 5% прошлогодней выборки).

Последний вопрос первого блока ставил своей целью определение общинного статуса присутствующих на купальском празднике. Данный вопрос вызвал затруднения у 47 опрошенных (11% от общей совокупности). Преобладающее число язычников – 321 человек (74,5%), не являются членами общинной структуры. Соответственно, лишь 61 респондент (14,2%) состоит в той или иной языческой организации. При этом название своей общинной структуры указали 52 респондента, 9 человек предпочли данную информацию не разглашать. Обращаясь к анализу представленных структур, следует выделить две формы организации языческих сообществ: общинную и союзную. Согласно материалам опросных листов, на Купале 2015 года присутствовали представители трёх союзов: «Содружества общин «Велесов Круг»», «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры», «Круга Языческой Традиции». Первую организацию в своих анкетах выделило

⁴ «Легальность» дефиниции «родноверие» признана в ряде исследовательских работ. Примечательно, что в последних двух изданиях дефиниции «родноверие» и «неоязычество» выступают как синонимы.

18 респондентов (4,2%). Общая численность общинников «ССО СРВ», согласно анкетным данным, составила 25 человек (5,8%). «Круг Языческой Традиции» на Купале под Малоярославцем был представлен 7 респондентами (1,6%). Безусловно, особенностью состава участников праздника от общинно-союзной среды является весьма скромная доля последних в общем количестве прибывших на Купалу. В причинах наблюдаемой индивидуализации ещё только предстоит разобраться как исследователям феномена, так и самим последователям язычества XX–XXI веков. Однако, опираясь на вышеизложенное, можно говорить об определённом размывании религиозно-мировоззренческих ориентаций среди представителей современной языческой религиозности. Наблюдаемый терминологический бриколаж, характеризующий религиозные взгляды респондентов, на наш взгляд, напрямую связан со слабой институционализацией славянского язычества, что еще раз свидетельствует о пестроте и неоднородности данного феномена как по форме (в виде отсутствия развитой общинной структуры), так и по содержанию (в виде отсутствия у большинства adeptов как догматических, так и обрядовых составляющих вероучения).

Второй блок анкеты, условно обозначенный как «институциональный» и содержал пять вопросов. Основные задачи исследования вопросного блока № 2 заключались в выявлении функционала как языческой общины в целом, так отдельных лидеров общины, в частности. Более место «институционального» блока занимает вопрос о перспективах форм взаимодействия язычников с государственными структурами.

В первом вопросе второго блока, перед респондентами ставилась задача по принятию, либо отклонению гипотетической «языческой централизации» в масштабах страны. Данный вопрос вызвал затруднение у шести респондентов (1,4% опрошенных). В пользу «языческой централизации» славянского язычества, с различными долями вероятности («скорее да», «да») высказалось 245 участников (57,1%) из 429 опрошенных на купальском празднике. Соответственно, в пользу региональной младоязыческой «автономии» проголосовало 152 человека (35,4%). Следовательно, можно говорить о стремлении большинства современных язычников к централизованной структуре функционирования. Однако, несмотря на обозначенную «централизованную» позицию, только 14,2% опрошенных, заявили о своём членстве в языческих организациях. Как отмечалось выше, язычников-индивидуалов на

празднике Купалы было подавляющее большинство – 74,5%.

Второй вопрос блока был направлен на выяснение «институциональных» предпочтений современных язычников. Не дали ответа на вопрос десять респондентов (2,3%). Вариации ответивших, распределились следующим образом. На первом месте оказался ответ «союз общин». Данное структурное образование в опросных листах выбрал 201 человек (46,9%). На втором месте по популярности находится «община» – ей отдали предпочтение 159 язычников (37,1%). За индивидуальный тип организационной структуры высказались 61 человек (14,4%). Десять респондентов в качестве наиболее приемлемой организации языческого движения указали «языческую церковь».

Третий вопрос блока «обязаны ли языческие общины взаимодействовать с органами государственной власти?» показал, что подавляющее большинство опрошенных язычников готовы к взаимодействию с государством. Сто пятнадцать человек (28,8%), в качестве варианта ответа указали «скорее да», 117 респондентов – большинство из опрошенных (27,3%), однозначно высказались за необходимость такого взаимодействия, выбрав вариант «да». Соответственно, в общей сложности 232 язычника (54,1%) можно отнести к сторонникам десекуляризационного направления новой религиозности. В свою очередь, за «религиозно-мировоззренческую» автономию, высказались 173 респондента (40,3%), выбрав в качестве ответов варианты «скорее нет» – 86 человек (20%) и «нет» – 87 опрошенных (20,%) соответственно. Стоит отметить, что данный вопрос вызвал затруднение всего у трех adeptов движения (0,7%). Двадцать один язычник – 4,9% предложили свои варианты взаимодействия религиозного (языческого) и светского институтов. Среди ответов представителей политеистической религиозности фигурировали: «Желательно, но не всегда возможно», «Если это не противоречит правде и общине», «Религия и государство, разные вещи», «Как можно взаимодействовать с врагами?», «Государство противоречит славянству», «Общины – возможно, язычники вне политики», «Не обязаны, но могут».

Четвертый вопрос второго блока анкеты был направлен на определение функциональных обязанностей лидера языческой общины. Из пяти вариантов ответов: «религиозная», «административная», «хозяйственная», «информационная» и «свой вариант», респондентам предлагалось выделить одну важнейшую функцию лидера «родноверческой» общины.

Данный вопрос вызвал затруднение у девяти респондентов (2,1%). Наибольшее число язычников в качестве определяющего вида деятельности указали на религиозную функцию. Данному варианту ответа отдали предпочтение 179 человек, что составило 41,7%. Второе место, по мнению адептов движения, занимает информационная составляющая. За данную позицию проголосовало 89 респондентов (20,7%).

В качестве доминирующей функции общинного лидера, административную составляющую выделили 44 человека или 10,3%. На последнем месте по популярности находится хозяйственная роль языческого «вождя». Как первостепенную её выбрало 39 (9,1%) присутствующих на празднестве. Стоит отметить, что 69 (16,1%) респондентов предложили альтернативные варианты «лидерского функционала». Наиболее интересными из ответов, на наш взгляд, являются следующие: «лидер общин это и отец, и брат и князь», «сексуальное воспитание», «религиозно-общественная», «советчик по жизни», «своим примером являть правильный образ жизни», «обучение, наставление, делится опытом», «миротворческая», «традициональная», «ведовская», «моральная», «великодушная».

В последнем вопросе второго блока участникам опроса предлагалось ответить на вопрос о необходимости информационного освещения деятельности языческих организаций в целом, отдельных языческих лидеров в частности. Наибольшее число респондентов ответило однозначно – «да», в пользу широкого информационного освещения своей деятельности – 89 человек из 429 или 44,1%. Восемьдесят пять язычников (19,8%) напротив высказались против вторжения медийного компонента в современное языческое сообщество. Восемьдесят пять респондентов (20%), уверенны, в необходимости освещения деятельности общинных языческих институтов в целом. Среди ответивших присутствовали и те, кто считает необходимым освещать исключительно деятельность отдельно взятых языческих персоналий – лидеров языческого движения. Суммарное число представителей «персоналистского» направления – 13 человек (3%). Пятьдесят человек (12% от всех опрошенных) – представители «консервативного крыла», считают, что нет необходимости в «информационных» преобразованиях. Данную группу устраивает вариант ответа «оставить все на прежнем уровне».

Таким образом, опираясь на ответы «блока № 2» можно сделать вывод о том, что большинство из представителей ис-

следуемого сообщества, выступает за централизованную модель языческой диаспоральности. Наиболее востребованной институциональной формой является союз общин (более 45% язычников назвали данное образование в качестве предпочтительного). При этом, стоит отметить, что только 14,2% опрошенных состоят в общинных организациях, как таковой. Осмелимся предположить, что языческое индивидуальное большинство (75% респондентов не состоят в «родноверческих» организациях), готовы стать членами как языческой общины, так и союза общин во всероссийском формате. Также достаточно показательным является тот факт, что данный вопрос стал одним из наиболее «затруднительных» в открытых опросах анкеты: 20% респондентов (4 человека из 429) не смогли по тем или иным причинам указать свой общинный статус. Кроме того, стоит обратить внимание на следующий вопрос анкеты: а именно на определение «лидерского функционала». Наряду с религиозной деятельностью лидера общины, как первоочередной, за которую высказалось 41,7% респондентов, ключевыми позициями занимает деятельность информационная (20,7%) и административная (10,3%), которая связана непосредственно с работой на местах, по координированию деятельности региональных языческих образований. Выбор данных отраслей, на наш взгляд, свидетельствует об определенных внутренних проблемах в данных сферах языческого взаимодействия. Последнее, является причиной большого количества внеинституциональных членов движения присутствующих на празднике. При этом, язычники-индивидуалы, в качестве желаемого структурного устройства рассматривают именно языческий общинный институт, сильный и централизованный.

Третий вопрос анкеты, напротив, вызвал наименьшее затруднение у опрошенных. Только трое язычников не высказали своего отношения к проблеме государственно-языческого взаимодействия. Между тем, вопрос о десекуляризационных процессах в современном обществе является одним из самых дискуссионных в зарубежной и отечественной историографии [10].

Исходя из данных проведенного опроса, можно сделать вывод о том, что преобладающее число адептов «родноверия» на институциональном уровне готовы выйти из «языческого подполья», путем возвращение религиозной деятельности в публичное пространство. Инструментарий возвращения – широкое информационное освещение, с одной стороны, и централизованное взаимодействие с другой.

Таким образом, «дистилляция религиозного сознания» [7] на макроуровне начинает трансформироваться в идею о «деприватизации» [3] – возвращении религии в публичное пространство. Наблюдается наделение данной формы осознания мира социально значимой роли в обществе.

Иначе обстоит дело с микроуровневым компонентом, где по-прежнему наблюдается крипторелигиозное отношение к вере. В нём мировоззренческая составляющая выходит на первый план, оставляя далеко позади иные функции религиозного взаимодействия адептов.

Список литературы

1. Гайдук А. Славянское новое язычество в России: опыт религиоведческого исследования // Центр религиоведческих исследований «Religiopolis». – URL: <http://religiopolis.org/religiovedenie/5730-rodnoverie.html> (дата обращения: 04.08.2015).
2. Кавыкин О.И. «Родноверье». Самоидентификация неоязычников в современной России. – М., 2007. – 232 с.
3. Карпов В. Концептуальные основы десекуляризации. Государство, религия, церковь. – 2012. № 2(30). – С. 115–164.

4. Тютин О.С., Шиженский Р.В. Мифология и фольклор в нарративах идеолога неоязычества А.А. Добровольского // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – Новосибирск, 2015. – № 44–45. – С. 103–108.

5. Шиженский Р.В., Тютин О.С. Некоторые аспекты кодификации феномена современного славянского язычества по данным полевых исследований // Colloquium heptaplomeris. – 2014. – № 1. – С. 86–95.

6. Шиженский Р.В., Шляхов М.Ю. Письменные источники современных российских язычеств по данным полевых исследований // Историческая, философская, политическая и юридическая наука, этнология и искусствоведение. Вопросы теории и методики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8 (58). – 3-х ч. – Ч. 1. – С. 210–214.

7. Шишков А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России. Государство, религия, церковь. – 2012. – № 2 (30). – С. 165–177.

8. Элбакян Е.С. Религии России. Словарь-справочник. – М., 2014. – С. 151–152.

9. Aitamurto K. Academic Dissertation: Organism, Traditionalism, Nationalist Narratives in Russian Rodnoverie. – Helsinki: Department of World Cultures University of Helsinki. – 2011. – 147.

10. Berger (ed.), The Resurgence of Religion and World Politics. Washington, DC: Ethnology and Public Policy Center, 1999. P. 6.